



ОТБОРОЧНЫЙ ТУР

Живет в Астане (Казахстан). Визитная карточка автора, желающего принять участие в 1-м туре конкурса.

Хозяйственное

Гвоздь – беззаветный образ стресса:
Майорской сотке ставка, - штырь,
Скоба, - преддверие прогресса,
Не любит трещин и задир.

И только, безотказные служаки,

Дождям на встречу, уважая цинк,
Гвоздочки кровельные, забияки,
Любую крышу выведут на ринг.

Вот лист услуг: петля на шею – шкворень,
БАМ, Брежнев, стык, – серебряный костыль.
Поднимет сотку чуть поддатый дворник,
Не водки, - гвоздь, что вешалкой застыл.

Но самое печальное на свете,
Когда вдова достанет молоток,
И рамку с черной ленточкой в портрете,
Прибьет к стене упрямый дюбелёк.

Бывало в детстве, тихо, без печали,
Судьба гвоздя ложилась под трамвай,
Он став мечом, сверкнёт чеканкой стали, –
Рельс - наковальня, плющил задарма.

Послушай, гвоздь, встань в образ созиданья, –
Заворонёный, синий твой отлив,
Не торопи на ритуал прощанья, –
Храни подкову, на двери прибив.

Нестрогая Ностальгия

Обманувшему нас, золотому
времени, посвящается

Я помню Родина была,
Умело бабушка пряла,
Умела мама не хитрить,
Отец пообещал не бить –

Все складывалось по слогам,
Так было много дорогого,
А мы к неведомым богам
Отчаливали от порога.

Хлестали проклятый Агдам –
Аэрофлот – к местам нездешним,
Страна звала, давался БАМ
И крепко целовался Брежнев.

Тогда свят из романа, мастер

Такой порыв не полагал –
Он с Маргаритой свой блокбастер
В портфелях наших ожидал.

Хрипел эфир и ВЭФ-спидола,
Глотнув с помехами волну,
Вещала нам, сплошной крамолой,
Клеймя Советскую страну.

А в девять – ноль, Свиридов – шире,
Кириллов, Шилова, смотри,
Как мы умеем пять в четыре,
А если надо, то и в три.

Нет экономии врага –
На карту ставя крест и страны
И ядерная кочерга
Рождалась точно в срок, по плану.

Был наш балет – воскресший, Майей,
Сто раз исполненный Сен-Санс,
В своем бессмертье отрываясь,
Нашел всепостижимость в нас.

Был наш хоккей – не им тягаться,
«Харламов, ну!!! – отличный пас!»,
Он был воистину «17-ть»
И золото опять у нас.

Был наш Афган – невесте «двести»
Вернул неровный Кандагар,
Как погибал – на шее крестик
И стон в ушах: «Аллах – Акбар».

Что-ж, Розенбаум, память песней
Их души с тех пещер собрал,
Теперь уже не интересно,
Кто к тем граблям еще припал.

В плену цековского заряда,
Включив маяк – к станкам скорей!
Мы, как заслуженной наградой,
Гордились Родиной своей.

Не пепел, не закланья,
знобящий перегар,

Тогда на Горького – свиданье,
А нынче на Тверской – товар.

Я помню – Родина была,
Так было много дорогого.
Она осталась, ожила,
А в нас все тот навет от слова.

Олино горе

У маленькой Оли, горе, горе, горе.
Даже дедушка не рад,
Не вплетает в косу бант,
Не ведет ее гулять,
С другом Сашкой поиграть,
Потому что рано, рано,
Разыгралась в доме драма.

Оля без опаски
Раздобыла краски,
Желтый цвет подобрала
И в стаканах развела,
А потом у кошки Капы
Тихо выкрасила лапы.
Ну а Капа ей во вред
Побежала на паркет,
И паркет блестящий, красный
Превратился в желто-красный,
А по самой серединке,
Стал похожим на кувшинки.

Мама увидела,
С мамой плохо стало.
Папе было все – равно,
Папа посмотрел в окно
И сказал паркет – паркетом,
Где вчерашние газеты?
Ну а Ольгу наказать, -
Не пускать ее гулять.
В ужасе сестрица Нина,
Ах, моя Капитолина.

Оле стало очень скучно
И она пошла к игрушкам.
У нее есть мудрый тигр,-

Он не любит глупых игр,
Есть собака Оська,
Обожает кости
И любитель злых проказ,
Забияка Карабас,
Надо их в кружок собрать
И всю правду рассказать.

Я сегодня встала рано,
Приготовила стаканы,
Желтой краски принесла
И в стаканах развела,
И решила нашей Капе
Чуточку подкрасить лапы.
Ничего никто не знает,-
Кошки тоже ведь гуляют.
У сестрички Ниночки
Ручки как картиночки,-
Каждый ноготь длинный, длинный,
Хочет красный, хочет синий,
А у нашей Капочки
Лапки словно тапочки.
Ей же стыдно по утрам
В тапках выходить к котам.

Но друзья молчали,
Что сказать, - не знали.



{jacomment off}